

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. Э. Дубровина

А. С. Аврутина. **Древнетюркские рунические памятники: Система письма и фонологическая реконструкция.** М.: Едиториал УРСС, 2011. 136 с.

Монография А. С. Аврутиной представляет собой попытку реконструировать фонологическую систему языка древнетюркских рунических памятников — памятников, иллюстрирующих ранний этап развития тюркских языков и отражающих состояние этих языков в VII–VIII вв. Вопрос о возможности такой реконструкции вызывал в специальной литературе немало дискуссий. Противники нередко демонстрировали склонность к смешению понятий «фонетика» и «фонология», ожидая, что работа продемонстрирует, как звучала речь древних тюрков, в то время как автор посвятил свою работу исследованию фонемного состава языка рунических памятников, инвентаря звукопредставлений (по терминологии И. А. Бодуэна де Куртенэ), который во многом определил развитие фонологических систем тюркских языков более поздних эпох (в работе на с. 13 автор сразу замечает, что пишет о фонологической подсистеме языка как о фрагменте системы языковой, т. е. идеальной, в то время как фонетика отвечает за реализацию фонем, идеальных единиц, в конкретный момент речи). К другим очевидным новым идеям в рассматриваемой нами монографии можно отнести то, что до настоящего времени работ, в которых внимание уделялось бы древнетюркской фонологии с позиций современной грамматики, а также с применением принципов фонологической интерпретации

данных древних письменностей, заложенных трудами грамматологов И. Е. Гельба и И. Фридриха, не появлялось. Необходимо отметить, что монография А. С. Аврутиной логично продолжает серию публикаций представителей петербургской (ленинградской) тюркологической школы — В. Г. Гузева и С. Г. Кляшторного, в которых они убедительно доказывают автохтонное происхождение тюркской руники, что также прежде носило дискуссионный характер в специальной литературе. Именно тезис об автохтонном происхождении тюркского рунического письма и убедительное изображение того, что тюркское руническое письмо довольно быстро проходит все три стадии, необходимые, согласно правилам грамматики, для становления любой письменной системы, а именно словесную (словесно-слоговую), слоговую и фонемную, позволил проанализировать как фонологическую, как и морфонологическую системы давно исчезнувшего тюркского языка.

Монография состоит из Предисловия (с. 5–11), основной части, включающей главы с первой по девятую (с. 12–117), заключения (с. 118–125), списка цитируемой литературы (с. 126–134) и списка условных сокращений (с. 135).

Предисловие посвящено подробному обзору существующей литературы по рассматриваемому вопросу. Автор дает оценку материалу, сопоставляя наработки отечественных и зарубежных тюркологов с работами лингвистов, которые занимаются проблемами общего языкознания. Специалисты согласятся с тем, что отечественное восточное языкоз-

вание в целом и тюркское языкознание в частности нередко грешило тем, что стремилось развиваться в «описательном» ключе, обособленно, как бы в отрыве от мировых тенденций и теорий в лингвистике, словно не желая «испытывать» общелингвистические теории, столь различные в индоевропейском языкознании, на тюркском материале. Конечно же, подобная обособленность не всегда сказывалась положительно. Однако труды петербургских тюркологов последних десятилетий — В. Г. Гузева, А. А. Бурькина, С. Г. Кляшторного, А. М. Щербака — демонстрируют тенденцию преодоления этого разрыва. В рецензируемой же монографии подробный анализ существующей литературы по грамматологии и по тюркской рунике позволяет автору обосновать актуальность своих разработок, которые, кстати, в свое время были отмечены рядом научных наград.

В первых главах основной части даются вводные сведения, которые призваны помочь в восприятии материала читателю, далекому от тюркской лингвистики. В первой главе (с. 12–25) автор формулирует понятийно-терминологический аппарат своего исследования, дает определения таким понятиям, как язык, речь, языковая система, знак, фонетика, фонология и морфонология, определяет задачи рассматриваемых языковых подсистем. Вторая глава (с. 26–30) кратко знакомит читателя с историей открытия, дешифровки и изучения тюркских рунических памятников, попутно анализируя работы, посвященные проблеме происхождения и интерпретации данных рунического письма. Третья глава (с. 31–40) посвящена описанию классификации рунических памятников, так как не все они написаны одним языком, и также предназначена для читателей-нетюркологов. Грамматологический аппарат, использованный в исследовании, представлен в четвертой главе (с. 41–49), где также дается краткий обзор единичных работ по грамматологии, в которых хотя бы кратко освещались любые тюркские языки.

Исследование как таковое начинается с пятой главы (с. 50–54). Здесь автор рассматривает возможность анализировать звуковую сторону древнего, умершего языка по данным письменности, а также демонстриру-

ет существующие методы подобного анализа. Конечно же, именно в этом месте исследования важно умелое сочетание общих грамматологических правил и закономерностей фонологической интерпретации с отличительными особенностями тюркского материала, и поэтому шестая глава посвящается анализу этих особенностей (с. 55–69). В данной главе автор, ссылаясь на разработки В. Г. Гузева и С. Г. Кляшторного, анализирует аппарат рунических знаков и внутреннее устройство рунической письменности, здесь же предлагает оригинальную схему всех рунических знаков с учетом их функционирования в словесно-слогово-буквенной системе. (Упомянутые разработки представлены, в частности, в таких работах, как: *Гузов В. Г.* К вопросу о слоговом характере тюркского рунического письма // *Вопросы языкознания.* 1994. № 5. С. 67–72; *Гузов В. Г.* Основные положения концепции автохтонного происхождения тюркской руники // *Востоковедение. Филологические исследования.* Вып. 24. Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 24–33; *Гузов В. Г., Кляшторный С. Г.* Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки) // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2.* 1993. Вып. 4. С. 57–62).

Последующие главы посвящены рассмотрению следующих вопросов: 1) анализ единиц фонологической системы языка рунических памятников; 2) соотношение фонем и слогов, нашедших отражение на письме; 3) анализ черт языка древнетюркских рунических памятников в родственных современных тюркских языках; 4) анализ морфонологической системы языка рунических памятников и присущих им особенностей; 5) возможные направления развития фонологической системы рассматриваемого языка и их реализация в современных тюркских языках.

В главе седьмой (с. 70–81) анализируется система гласных фонем, а в главе восьмой (с. 82–97) — система согласных фонем. Каждый знак рассматривается как словесный, слоговой, возможно, словесно-слоговой и, затем, как фонемограмма, в случае, если он употребляется в том или ином качестве. Примеры употребления знаков во всех трех функциях довольно редки, так же как и редки примеры употребления того или иного знака только

лишь в одной какой-либо функции. Таким образом доказывается, что вся письменная система имеет словесно-слогово-буквенный характер. В качестве вывода к этим главам автор представляет обе системы в виде таблиц. При этом мы видим, что в системе гласных фонем была девятая единица, которая не имела собственного знака и передавалась всякий раз разными знаками и которая как бы нарушает равновесие всей четырехклассной системы, а в системе согласных фонем три единицы оказались вне локальных рядов.

Фонологическим и морфонологическим особенностям и закономерностям языка рунических памятников посвящена девятая глава (с. 98–117). В этой главе формулируются основные выводы исследования. Отдельный раздел посвящен анализу известной монографии Ларса Юхансона «Язык древнетюркских рунических памятников как диссимилирующий» (*Johanson L. Alttürkisch als 'dissimilierende Sprache'*. Wiesbaden: Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz, Franz Steiner Verlag GmbH, 1979), автор которой, как убедительно доказывает А. С. Аврутина, допустил большое количество ошибок и неточностей в разборе материала рунических памятников, ошибочно сформулировав тезис о том, что язык рунических памятников был языком диссимилирующим. Автор рецензи-

руемой нами монографии демонстрирует таблицу распределения диссимилятивных и ассимилятивных явлений и формулирует вывод о том, что язык рунических памятников был не диссимилирующим, а ассимилирующим, а существующие диссимилятивные примеры призваны лишь подчеркивать морфемные границы в коммуникативных целях.

В Заключении (с. 118–125) А. С. Аврутина обобщает полученные выводы и проводит параллели с родственными современными тюркскими языками, находя немало параллелей, возникших в языке рунических памятников и сохранившихся до наших дней.

Некоторым недостатком монографии, как представляется, можно считать то, что автор рассмотрел материал не всех тюркских рунических памятников, пропустив, как минимум, важную группу енисейских памятников, в которой изобилуют разговорные формы, представляющие особый интерес для анализа морфонологических явлений и их отражений на письме.

В то же время монография, безусловно, представляет большой интерес, как для специалистов, так и для широкого круга читателей. Термины и подача материала также позволяют пользоваться монографией в образовательных целях. Книга является прекрасным пособием для студентов-тюркологов.

Контактная информация

Дубровина Маргарита Эмильевна — кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034,
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: maggydu@rambler.ru